

Анатолий Иванов

Макарыч

Дед Харламий Макарыч очень стар. Пожалуй, никто в деревне не скажет, сколько ему лет. Даже старожилы, помнящие времена организации колхозов, говорят, что и тогда Макарыч был уже совсем седой.

Сколько ему лет — не знает и сам Харламий Макарыч. И когда однажды счетовод колхоза, выписывая какую-то справку, спросил старика о возрасте, он ответил:

— О-хо-хо, сынок! Года-то как вода... Течет и течет меж бережков — поди-ка узнай, сколько протекло.

Счетовод написал в справке восемьдесят пять лет. С тех пор и считают, что Харлампью Макарычу идет девятый десяток.

Никто, в том числе и старожилы, не помнят, чтобы его когда-нибудь называли по имени и отчеству. Многие и не знали имени старика. Его называли просто Макарычем. К этому настолько привыкли, что если бы кто-нибудь назвал его по имени и отчеству, то колхозники не сразу бы и поняли, о ком идет речь.

Дед Макарыч живет со своей внучкой — остроглазой Маринкой — в небольшом мазаном

домишке, совсем утонувшем в зарослях рябины и черемухи. Маринку он всегда зовет Маней, а когда рассердится — Марьей. Впрочем, сердится Макарыч редко. Разве вот только когда она долго засидится вечером над книгами или куда-нибудь задевает его бамбуковое удилище.

— Марья! — громко кричит тогда дед. — Опять удило куда-то затыркала, якорь тебя... Сколько раз говорил: — ставь в сенцы.

— Да оно там и стоит, в уголку, разве не видишь? — спокойно отвечала Маринка.

Старик шел в сенцы, долго гремел какой-то банкой, видимо, из-под червей, и возвращался обратно.

— Ишь ты, там ведь, право дело, там. Ослеп на закате лет, старый дурак... А я-то думаю: куда она запропастилась...

Этой удочкой Макарыч очень дорожил. Ему подарил ее сам председатель колхоза Петр Никитич лет восемь назад, когда старика провожали на покой.

— Ты, Макарыч, поработал на своем веку, — сказал тогда председатель колхоза. — Большую благодарность приносят тебе колхозники. Живи в новом доме без забот, колхоз о тебе побеспокоится. А от себя лично дарю тебе вот эту удочку. Теперь и дел-то тебе — сиди у речки да лови рыбку...

На речку Макарыч ходил часто. Однако больше пяти пескаришек домой никогда не

приносил. То ли рыбы в речушке было мало, то ли Макарыч уж до того одряхлел, что рыба ему не давалась.

В теплые дни старик вылезал на завалинку, часами дремал на солнце и грел старые кости. Но лишь только кто проходил мимо — тотчас же открывал глаза.

— Слышь-ко, Груняшка, куда бежишь-то?

Девушка поднимала на Макарыча озабоченные глаза и скороговоркой отвечала:

— На участок, дедушка. Ох и летечко проклятое!.. Сохнет пшеничка. Обязательство давали — по сорок центнеров собрать с гектара, да опозоримся, однако...

— А ты не ной, дура. Я те опозорюсь. Обейх вас с Марьей прутом по голому месту, коли по сорок не соберете.

— А Маринку-то за что?

— За дело. У тебя же в звене работает... Ну, да не падай духом, доченька, — вдруг сразу делался ласковым старик. — Подумайте с Манькой, как хлебушек спасти. Бог-то милостив, доченька...

Девушка быстро шла дальше, а Макарыч продолжал дремать.

— Слышал, Петр Никитич, хлеб-то у Груняшки гибнет, — снова открывая глаза, говорил Макарыч подойдя к нему председателю в запыленном синем пиджаке — видно, тот только что с поля.

— Знаю, Макарыч. Тяжелое лето. Жалко Груньку.

— Груньку, Груньку!.. Хлеб жалко, вот что, — вдруг сердился старик и тут же утихал. — Ты уж придумай что-нибудь. Груняшка замоталась, сердешная, одни глаза остались. О-хо-хо, старость!.. Сам бы побежал на участок. Душа-то рвется, а ноги не идут.

Немного помолчав, старик спрашивал:

— Ну, как Красуля-то?

— Поправляется, плохо только.

— Это варнак, Акимка, какую коровушку волкам стравил. Не пастух — лопух, прости господи. Ты, Петро Никитич, взыщи с него трудоднями, чтоб другим пастушишкам неповадно было. Коровка-то, почитай, лучшая в колхозе была... Облаву бы на волчишек организовать, Петро Никитич. Развелось их — страсть...

Председатель обещал подумать насчет облавы и уходил. А Макарыч поджидал следующего колхозника и подробно выспрашивал у него все об артельных делах. Старика интересовали даже самые незначительные хозяйственные вопросы. Все радости и неудачи колхоза он переживал тут, на завалинке. И каждый, как бы не спешил, останавливался возле Макарыча, сообщал ему новости. А отходя, говорил:

— Стар наш Макарыч, совсем стар. Дотянет ли до осени?..